

В.И. Пржиленский

Понятие цифровой реальности: значение и смысл*

Пржиленский Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 125993. Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; e-mail: vladprnow@mail.ru

В статье анализируются процессы трансформации отношения человека к миру, возникшие вследствие активного внедрения в системы управления и производства компьютерной техники, а также использования электронно-цифровых устройств в повседневной жизни. Реконструируется эволюция отношения к реальности, произошедшая в результате цифровизации социальных практик и опыт философско-теоретического описания смысла произошедшего. Особое внимание в статье уделяется понятиям «виртуальная реальность» и «цифровая реальность», показываются особенности конструирования каждого из них. Обосновывается тезис о том, что цифровая реальность – это итог цифровизации социальных практик, как индивидуальных, так и коллективных. Рассматривается специфика определения понятия виртуальной реальности и ее определения в контексте выявления понятия цифровой реальности. Анализируются первые попытки концептуализации феномена цифровой реальности, реконструируются опыты употребления данного понятия, выделяются основные значения и смыслы. Отдельно рассматривается кейс с докладом о необходимости системного конструирования сегмента цифровой реальности, предлагаемый для сферы экспертно-информационного обеспечения российской науки.

Ключевые слова: реальность, конструирование, виртуальная реальность, цифровая реальность, реальность повседневной жизни

* Научное исследование выполнено в рамках государственного задания 075-00293-20-02 от 25 мая 2020 года. Номер темы: FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

Введение

Современный человек живет в мире, важнейшие характеристики которого определяются посредством понятия реальности. С этим же понятием связаны и многие смыслы, рождающиеся в процессе интерпретации мыслей и действий, как чужих, так и своих собственных. Ученые вот уже четыре столетия ищут ответ на вопрос, какова реальность, изучают ее многочисленные проявления и описывают их при помощи научных исследований. Их интересует не просто реальность, а различные ее виды или слои: физическая, социальная, правовая, языковая. Между тем, каждый человек прекрасно понимает, что такое реальность в обыденно-практическом смысле слова. Разбирая историю слова и термина, следует отметить, что хотя его рождение уходит своими корнями в средневековую схоластику, реальность перемещается в центр теоретического мышления благодаря научной революции Нового времени, когда целью научного познания становится не определение или систематизация качеств вещей и не разгадывание замысла их создателя, а описание единой реальности, а также открытие ее законов. Фактически это целеполагание сохраняется и сегодня, когда теорий, описывающих и объясняющих реальность, становится все больше. Можно обратиться к методологии контекстуализма, допускающей, среди прочего, обращение к концептуальным оппозициям с целью выявления и систематизации множества контекстов, рождающихся в процессе употребления «трудного» термина.

Цель данной статьи – прояснить различие между терминами «виртуальная реальность» и «цифровая реальность», а также рассмотреть конкурирующие подходы к исследованию возможности конструирования цифровой реальности. Все это позволит автору прокомментировать не только возникшие в последние два десятилетия концептуализации нового вида реальности, но и процессы происходящей цифровизации социальных практик, как индивидуальных, так и коллективных. Результаты анализа имеют значение для описания и прогнозирования перспектив трансформации различных сфер общественной жизни, в т.ч. государственного управления, частного бизнеса, судопроизводства и т.д.

Эволюция понятия реальности в философии, науке и повседневной жизни

Понятие реальности возникло в средневековой схолистике в процессе дискуссии реалистов и номиналистов об онтологическом статусе общих понятий. То, что сегодня понимается под реальностью, с самого начала было обречено стать своеобразным концептуальным кентавром. «С конца XIII в., – отмечает Г.В. Вдовина, – философы-схоласты говорили о двойной этимологии этого латинского термина: *res* производили либо от глагола *reor, reris* (думать, полагать, считать), либо от причастия *ratus, rata, ratum* (постоянный, неколебимый), т.е. *firmus, firma, firmum* (прочный, крепкий)» [Вдовина, 2017, с. 26]. Поэтому когда в Новое время это понятие было применено для построения естественнонаучной онтологии, старые споры о том, что такое объективная реальность, получили новый импульс. Если прежде мир мыслился как совокупность вещей,

то благодаря Галилею, Декарту и др. мир фактически отождествился с единой реальностью. Вещи в этом новом теоретическом мире «превратились» в отдельные проявления реальности или, что, по сути, одно и то же, в ее производные. В свое время автор проследил стадии последовательного превращения понятия реальности в новоевропейской философии вначале в «сверх-вещь», затем в «сверх-идею», а затем и в «сверх-смысл» [Пржиленский, 2013].

Все попытки определения понятия реальности, столь важные в рационалистической философии и современной науке, привели в конечном итоге к воспроизведению его кентаврической природы. Новая реальность не могла быть избавлена ни от свойств, связанных с глаголом «геог», ни от качеств, указывающих на причастие «ratus», представляя перед исследователями то в образе постигаемой, то в виде конструируемой. Отсюда и произведенное в XIX в. различение реальности на объективную и субъективную, расслоение единой реальности на физическую, химическую, социальную, появление в дополнение к обычной еще виртуальной реальности и т.п.

Еще одним важным событием в эволюции понятия реальности стало его «изъятие» из пространства теоретического мышления и распространение в повседневном мире, повлекшее за собой существенное изменение как смысла, так и значения. «Реальность» как элемент посттеоретического жизненного мира вновь превратилась в слово, значение которого проясняется посредством обращения к толковому словарю, из которого становится ясно, что под реальностью подразумевают нечто, существующее независимо от мышления и являющееся одной из главных целей познания [Пржиленский, 2014].

Таким образом было осуществлено конституирование понятия реальности как некоей данности, которая может быть познаваемой или непознаваемой, открытой или сконструированной, удачно описанной в одной научной теории и неудачно обрисованной в другой. Это событие, скорее, относится к социальной и культурной истории европейской цивилизации, но оно имело свое значение и для истории науки. Ученые активно использовали понятие реальности для объяснения физического смысла вводимых ими терминов или для определения методов измерения физических величин, а также для включения их в соответствующие теоретические конструкции. В данном случае все зависело от того, приписывали ли они реальности в ходе своих исследований те или иные свойства или определяли онтологический статус того или иного явления [Пржиленский, 2010].

Говорить о реальности не как об элементе теоретического знания, а как о данности повседневного жизненного мира стало позволительно благодаря феноменологической философии. Она же позволила противопоставить друг другу интеллектуальное и социальное конструирование реальности. Можно сказать, что интеллектуально конструируемая реальность – это реальность, которая обязательно будет физической, химической или социальной. Она называется сконструированной конструктивистами, она же называется познанной их оппонентами – реалистами. Я называю ее конструирование интеллектуальным потому, что эту реальность конструируют люди, имеющие своей целью получение новых данных, в том случае, если речь идет об ученых-экспериментаторах. Еще более интеллектуальным представляется конструирование

реальности путем создания новой или совершенствования старой теории, если речь идет уже о теоретиках. И первые, и вторые заняты поисками корреляции между миром чувственным, и миром умопостигаемым (интеллигибельным).

А вот социально сконструированная реальность не будет привязана ни к какой-либо одной науке, ни к какой-либо форме движения материи или страте (слою) бытия. Реальность повседневного жизненного мира создается: а) параллельно с самим жизненным миром; б) параллельно с языком, на котором о нем говорят; в) параллельно со знанием, которое, как и язык, необходимо для выживания. И создают его люди, которые заняты основной формой жизни – выживанием. Они действуют и взаимодействуют ради того, чтобы жить, но создаваемая ими при этом реальность – не побочный и избыточный продукт жизнедеятельности, а необходимый элемент мышления и действия. Подробно социальное конструирование реальности было описано П. Бергером и Т. Лукманом [Бергер, Лукман, 1995], а также другими представителями феноменологической социологии. Осуществляемые в процессе социального конструирования реальности седиментация и хабиитуализация, интерпретация и реификация – не запланированные действия, но результаты естественной человеческой коммуникации, независимо от того, была ли она направлена на выживание или на инстинктивное утоление коммуникативного голода. И эта реальность, состоящая из знания, языка, верований и поведенческих образцов, навсегда остается с теми, кто ее продуцирует и репродуцирует в процессе жизнедеятельности. Она неотделима от общества и его культуры.

Данная реальность, которую уместно назвать реальностью жизненного мира, не является исключительно социальной, ибо в ней смешиваются образцы взаимодействия человека с другими людьми и образцы взаимодействия с предметами или явлениями природы. По мере развития науки и научной теории, реальность повседневного мира начинает преобразовываться в некий гибрид, в котором донаучные опытные знания соединяются с научными теоретическими знаниями и дополняются знаниями, рожденными в процессе создания техники и технологии. Техника и технология активно влияют на мышление теоретиков, рождение галилеевской физики возникает из союза механики, физики и математики, и все это проникает в жизненный мир, влияет на него, преобразует его. В результате реальность жизненного мира становится гетерогенной – донаучные знания, получаемые в опыте взаимодействия с людьми и явлениями природы, сосуществуют и активно взаимодействуют со знаниями теоретического и технико-технологического характера. Все это имеет значение при анализе и прогнозировании итогов цифровизации, потому что возникающая в его ходе цифровая реальность с неизбежностью пройдет те же этапы – вначале она конструируется социально, затем возникают попытки ее описать, объяснить, просчитать, а, следовательно, и сконструировать. В итоге следует ожидать теорию цифровой реальности, каковая, по всей видимости, приведет к революции в области технологии цифровизации, по своим масштабам и значению сопоставимой с галилеевской. Возможно, эта технология сделает развитие цифровой реальности контролируемым и управляемым, возможно, она приведет к созданию новых возможностей контроля и управления человеком или же его самоконтроля и самоуправления. Видимо, мы находимся в самом

начале этого пути. И пока все попытки концептуализации цифровой реальности схожи с первыми шагами эмпирического изучения незнакомого объекта – наблюдение, сбор и анализ фактического материала, робкие попытки абстрагирования, первые обобщения.

Специфика конструирования виртуальной реальности

Сегодня среди наиболее обсуждаемых видов реальности первое место делят понятия виртуальной и цифровой реальности, причем, многие склонны видеть в них всего лишь синонимы. Под виртуальной, то есть мнимой или искусственной реальностью, принято понимать особую реальность, создаваемую средствами современной техники, способными замещать в чувственном восприятии обычную реальность. Зрение и слух, осязание и обоняние могут получать от различных технических устройств сигналы, сочетание которых создает иллюзию восприятия обычного мира. Само понятие обычно связывают с именем французского инженера Ж. Ланье, создававшего и совершенствовавшего компьютерные игры. Именно он основал компанию VPL (Visual Programming Language) Research, Inc., специализирующуюся на производстве технических устройств, необходимых для «порождения» виртуальной реальности, таких как виртуальный шлем, специальные перчатки, программное обеспечение и язык для его разработки.

Иллюзорность этого второго мира, названного виртуальной реальностью, существенно отличается от обычных иллюзий тем, что эта иллюзорность конструируемая, а значит и управляемая. Современные инженеры, способные сконструировать реальность при помощи машинно-цифровой техники, получают доступ к внутреннему миру человека, что существенно расширяет познавательные и креативные возможности человека, но и таит в себе угрозы манипуляции или простого заблуждения в мнимом мире [Pettit, 1995].

Философы, теологи и математики обращались к понятию виртуальности, рассматривая его как элемент теоретического мышления задолго до выше-названных технических разработок. Они оперировали виртуальными реальностями в процессе построения своих абстрактно-математических моделей. М. де Ланда приводит в качестве инструментов построения виртуальных реальностей фазово-портретный подход Пуанкаре к пространству состояний, а также содержащуюся в подходе Галуа идею прогрессивной спецификации виртуальных множеств с помощью каскадов, нарушающих симметрию. Предлагаемая М. де Ланда теория виртуальности мыслится им как технология стирания грани между виртуальным и реальным, исходным пунктом которой выступает тезис о том, что действительностью является все, что нужно объяснить [de Landa, 2002, p. 70–71].

Философы обратили внимание на угрозы виртуализации и выдвинули мысль, согласно которой виртуальная реальность есть реальность ненастоящая, о чем свидетельствует не только этимология, но и порожденные развитием техники неведомые прежде социальные практики. Именно так, в духе платоновского различения подлинного и неподлинного бытия, С.С. Хоружий квалифицирует виртуальную реальность как недород, в противовес обычной

реальности, каковая может, по его мнению, претендовать на статус родового понятия. «Виртуальная реальность, виртуальные явления характеризуются всегда неким частичным или недовершенно существованием, характеризуются недостатком, отсутствием тех или иных существенных черт явлений обычной эмпирической реальности. Им присуще неполное, уменьшенное наличие, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося наличия и присутствия» [Хоружий, 1997, с. 54].

Между тем, с точки зрения конструктивизма, всякая реальность в некотором смысле является виртуальной за исключением конституируемой реальности повседневного жизненного мира. Потому что виртуальная реальность – это все же в первую очередь реальность, а не мнимость. «“Проблематичное”, – писал Ж. Делез, – состояние мира, измерение системы и даже ее горизонт, очаг: оно указывает именно на объективность Идеи, реальность виртуального» [Делез, 1998, 336]. Интерес к виртуальной реальности обусловлен в первую очередь тем, что любая реальность, независимо от того, конструируется ли она интеллектуально, или социально, планомерно или стихийно, представляет собой некоторую последовательность действий. Ценность любой реальности в ее способности соединять естественное с искусственным, объективное с субъективным, природное с человеческим.

Нет сомнения в том, что виртуальная реальность, конструируемая посредством использования ИТ-технологий представляет собой пример интеллектуального конструирования реальности [Floridi, 2009]. Разработчики компьютерных моделей и соответствующих технических устройств прекрасно знают, чего они хотят и чего добиваются [Thébault, 2016]. Успешным результатом их деятельности является погружение человеческого сознания, его мыслей и переживаний, его ощущений и восприятий в искусственную среду с заранее заданными параметрами, имитирующую естественные среды, опыт пребывания в которых ранее приобретен носителем этого сознания.

Первичные концептуализации или «нечеткий собирательный термин»

Философское осмысление понятия цифровой реальности только начинается. И сразу же возникают альтернативные подходы, согласно одному из которых цифровая реальность порождается там, где появляются природные или культурные объекты, способные накапливать и использовать информацию. Так, американский философ Г. Таунер предлагает рассматривать конструирование/порождение цифровой реальности как результат и условие хранения и использования информационного кода. «Отдельный бобр, – пишет Г. Таунер, – это часть жизни, но также и род *Castor*, а также плотины и домики, которые строят бобры. За время своего существования каждый бобр конструирует внутри себя цифровую реальность, чтобы помочь себе построить плотины через один или несколько конкретных потоков. *Castor*, род бобра, создает более общую цифровую реальность, чтобы помочь всем бобрам справиться со всеми потоками. Отдельный бобр хранит свою цифровую реальность в своей нервной системе; *Castor* хранит и передает свою реальность в геноме бобра» [Towner, 2020, 12].

Понятие реальности и по своему замыслу, и по своему смыслу связано с понятиями независимости и непредсказуемости. И виртуальной, и цифровой реальности эти качества присущи сполна. Так, К. Отрел-Касс описывает цифровую реальность как сверхсвязанный мир. В таком сверхсвязанном мире наиболее интересным, по ее мнению, становится различие между человеческим и техническим познанием. Познающий цифровую реальность вынужден смешивать эти типы познания, осуществляя «разыгрывание мира» и «предполагая контекстуализированную реакцию, способ, которым определенная среда оценивается и анализируется изнутри для того, чтобы осуществлять ответную реакцию на внешний мир» [Otrell-Cass, 2019, 78].

Принципы конструирования цифровой реальности, как и принципы конструирования любой другой реальности, должны быть, по мнению Л. Флориди, сформулированы в виде ответов на четыре вопроса: «кто мы?», «как мы общаемся?», «какова наши представления о реальности?», «как происходит наше взаимодействие с реальностью?» [Floridi, 2015, p. 2]. Таким образом, от определения идентичности субъекта, выбора способа межсубъектной интеракции, конституирования метафизики объекта и артикуляции субъект-объектного взаимодействия зависит то, какие параметры объекта конструирования закладываются в проект.

Виртуальная реальность компьютерной игры или обучающего IT-тренажера также сконструирована интеллектуально. Но по мере того, как растет роль электронно-цифровых устройств в жизнедеятельности человека, тем больше они преобразуют социально конструируемую реальность. Появились такие явления как «умная толпа», государство в смартфоне. Жизнь человека трансформировалась не в соответствии с каким бы то ни было планом или проектом, но в результате сложения разнородных и разнонаправленных изменений, каждое из которых связано с использованием индивидами и коллективами электронных цифровых устройств и IT-технологий.

Значения и смыслы: трудный путь к понятию цифровой реальности

Понятие цифровой реальности является концептуальным продуктом развития социально-философских теорий модерна и прежде всего теории информационного общества. Теория информационного общества, впервые предложенная более полувека тому назад, сегодня развивается столь же стремительно, сколь стремительно изменяются, совершенствуются и множатся электронно-цифровые устройства, внедрение которых оказывает столь радикальное влияние на жизнь человека и общества. Одним из современных вариантов данной теории, несомненно, является концепция сетевого общества. В ее рамках впервые появляется словосочетание цифровой реальности, причем речь идет скорее о метафоре, чем о философском понятии или научном термине.

Видимо, Д. Тэплин был первым, кто употребил словосочетание «цифровой мир», которое, несомненно, можно считать синонимом словосочетания «цифровая реальность». Он писал о революционном переходе от аналогового мира к цифровому, характеризую его как транзит мира информационно-пропускной недостаточности (bandwidth scarcity) в мир медийной избыточности (media abundance) [Taplin 2004, 241].

Как отмечает М. Чан, «в цифровой реальности тело и цифровые технологии рассматриваются как явления одного порядка, и первое, и второе выглядят как чувственно воспринимаемые. При этом социальные и культурные детерминанты фильтруют, формируют и направляют наше восприятие посредством таких устройств как смартфоны, телефоны, консоли, планшетные компьютеры и т.д.» [Chan, 2021, p. 1]. Результатом такого восприятия нового пространственно-временного континуума можно считать цифровую реальность. Сходное понимание цифровой реальности можно найти в работах С. Ирвин [Irwin, 2016] и Д. Айди [Idhe, 2009; Idhe, 2012].

Несмотря на то, что все цифровые технологии называются цифровыми, их вариативность настолько велика, что их можно рассматривать как разнородные. В одном устройстве могут сочетаться различные физические и технические эффекты, оно может осуществлять сложно совместимые операции, выполнять неодинаковые функции. Все это позволяет говорить о новой реальности, чья пространственно-временная метрика отличается не только количественно, но и качественно. Как это всегда бывает, первыми ощутили присутствие нового типа реальности не теоретики, а практики. Например, изменение окружающего мира и необходимость артикуляции данного изменения отмечают специалисты в области транспортной логистики. «Влияние цифровой революции, – пишут Д.Г. Жанель и А. Гиллеспи, – на поведение людей (например, образ жизни, методы работы и связанные с ними модели путешествий и торговли) находится во взаимно причинно-следственной связи с изменяющимися пространственными формами и функциями городов» [Janelle, Gillespie, 2004].

Авторы предлагают представить себе мир гибких пространственных союзов, новых видов пространственной организации производства и распределения, качественно иных форм принятия решений, требующих учитывать пространство и время. Они отмечают такие пространственно-временные эффекты как конвергенция, сжатие, расширение, отслеживаемость и т.п. Последний эффект даже стал причиной концепции подсматривающего или следящего капитализма [Zuboff, 2019], платформенного капитализма [Srnicek, 2017] и др. О том, что связь транспортных сетей и сетей цифровых будет возрастать, можно было предполагать и ранее, но что эта связь затронет мышление человека, его тело и его восприятие собственного тела, стало полной неожиданностью. Сжатие пространства и времени обернулось расширением человека, что можно считать иным модусом человеческого бытия, порождаемым новой реальностью.

Словосочетание «цифровая реальность» сегодня нередко используется как синонимичное по отношению к «виртуальной реальности». Между тем сегодня впору говорить о реальности, рождаемой множеством людей, использующих в своей повседневной жизни и деятельности электронно-цифровые устройства. Она в корне отличается от реальности, сконструированной создателями компьютерной игры или обучающего IT-тренажера, не говоря уж о виртуальных реальностях психологических состояний человека.

О проекте конструирования цифровой реальности для сферы экспертно-информационного обеспечения российской науки

С точки зрения конструктивизма, человек не живет ни в физической реальности, ни в социальной реальности. Он способен мыслить свое тело или любое другое физическое тело как объекты, помещенные в физическую реальность. Он так же способен мыслить свой статус и обусловленные им свои роли как элементы социальной реальности или как объекты в нее помещенные. Первая теоретически, то есть интеллектуально сконструирована физиками, вторая – социологами. И в первой, и во второй есть пространство и время, координаты и движение, элементы и отношения. Соответствующие теории систематизируют эти отношения, объясняют единичные события, подводя их под нормы или сводя их к принципам.

С точки зрения конструктивизма, реальность конструируют не в соответствии с неким планом и вообще не с намерением ее сконструировать. Люди сотрудничают, взаимодействуют, коммуницируют для того, чтобы жить и выживать, а создаваемая ими при этом реальность – «неожиданный» и «побочный» продукт. Как лягушка, попавшая в кувшин с молоком, стремилась не утонуть и сбила своими задними лапами масло, так и взаимодействующие индивиды сконструировали целостную и «успешно функционирующую» социальную реальность.

Директор Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН А.Е. Гуськов и его заместитель Д.В. Косяков предлагают систему мероприятий, которая, в случае ее успеха, могла бы явить собой пример конструирования значимого сегмента цифровой реальности. Они публикуют статью, в которой прямо заявляют, что существующая инфраструктура метаданных мешает развитию науки в нашей стране [Косяков, Гуськов, 2021]. Ее место должны занять единые цифровые платформы, которые помогли бы избавиться от многочисленных недостатков сложившейся на сегодняшний день цифровой реальности. К числу таких недостатков авторы относят необоснованную централизацию, отсутствие анализа накопленного опыта, «крайне низкий уровень интеграции с имеющимися российскими и зарубежными системами» и т.п. Сложившаяся информационная система не позволяет делать приоритетной задачу «по представлению результатов российской науки для мирового сообщества, интеграции этих результатов в мировые информационные и справочные системы».

Далее А.Е. Гуськов и Д.В. Косяков предлагают ввести национальный агрегатор проектов, который был бы не монолитной системой, а набором независимых сервисов, что позволило бы интегрировать российскую науку в мировое информационное пространство путем предоставления в открытом доступе всех допустимых данных и метаданных. «Комплекс информационных систем, обеспечивающий регистрацию и уникальную идентификацию (в том числе перекрестную) ученых, организаций, научных проектов, публикаций, создает интегрированную в глобальное информационное пространство среду для всестороннего описания российского сектора исследований и разработок» [там же].

Из приведенной цитаты становится ясно, что задачей авторов является всестороннее описание деятельности российских исследователей и организаций. Между тем, ясно, что это описание сразу же превращается в отдельную реальность со своим пространством и временем, своими объектами, соединяющими людей и алгоритмы в целостные и сложные системы. Эта самая реальность будет подчиняться закономерностям, которые еще предстоит открыть и сформулировать, а затем корректировать по мере ее изменения и развития. Знание об этой реальности будет накапливаться в процессе опыта взаимодействия с ней – оно же будет определять мысли и действия индивидов, «соприкасающихся» с данной реальностью или же в нее «погруженных».

О возможностях конструирования цифровой реальности и о рисках, с этим связанных (вместо заключения)

Сегодня, когда говорят о цифровой реальности, имеют в виду нечто отличное от виртуальной реальности, несмотря на то, что создаваемая при помощи компьютеров виртуальная реальность, конечно же, является цифровой, а любая цифровая реальность не может быть ничем иным, как детищем IT-технологий. Но компьютеры сегодня стали буквально вездесущи, они активно применяются и физиками, и социологами, и вообще всеми теми, кто участвует в изучении или конструировании новой цифровой реальности.

Преобразующее воздействие компьютеров и IT-технологий на восприятие реальности внешнего мира выражается в трансформации операциональных характеристик пространства и времени, а также в изменении символического универсума жизненного мира человека. Таким образом, цифровая реальность на уровне системы может рассматриваться как особая реальность, со своими объектами, принципами и законами их взаимодействия, своими собственными пространством и временем. Но на уровне жизненного мира цифровая реальность – это новое качество реальности, обретаемое вследствие того, что взаимодействие человека с реальностью опосредуется электронно-цифровыми устройствами. Новые возможности владения информацией и скорости ее обработки изменяют характер человеческого мышления и влияют на его направленность. Все это трансформирует системы стратегического и коммуникативного действия, наполнит новым содержанием институты, цели и ценности цифровизирующегося общества.

Цифровая реальность мыслится как реальность, проявляющая себя на двух уровнях: на уровне системы и на уровне жизненного мира. Цифровую реальность на уровне системы изучают/конструируют ученые, используя хорошо известные средства и методы научного исследования. На уровне жизненного мира цифровая реальность предстает как набор обновленных значений и смыслов, значимых для человека и позволяющих ему артикулировать собственные оценки и переживания, намерения и действия. Корреляция этих уровней и определяет ту цифровую реальность, которая претендует на роль новой среды обитания человека.

Список литературы

- Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Вдовина, 2017 – *Вдовина Г.В.* Лаборатория онтологических понятий: Антоний Сирект и Антонио Тромбетта – скотисты XV в. // Историко-философский ежегодник. 2017. № 2017. С. 21–50.
- Делез, 1998 – *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 369 с.
- Косяков, Гуськов, 2021 – *Косяков Д., Гуськов А.* С чего должна начинаться цифровизация российской науки? Какой должна быть национальная инфраструктура поддержки научных коммуникаций. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/s-chego-dolzha-nachinatsya-cifrovizaciya-rossiiskoi-nauki.htm>
- Латур, 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
- Пржиленский, 2010 – *Пржиленский В.И.* Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 105–114.
- Пржиленский, 2013 – *Пржиленский В.И.* «Реальность»: социально-эпистемологическое исследование // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 91–106.
- Пржиленский, 2014 – *Пржиленский В.И.* Внутренний мир в перспективе конструктивизма // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 29–33.
- Хоружий, 1997 – *Хоружий С.С.* Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53–68.
- Chan, 2021 – *Chan M.* Digital Reality. The Body and Digital Technologies. N.Y.: Bloomsbury Publishing Inc., 2021. 208 p.
- de Landa, 2002 – *de Landa M.* Intensive Science and Virtual Philosophy On Deleuze. London: Continuum, 2002. 236 p.
- Floridi, 2015 – *Floridi L.* Commentary on the onlife manifesto // The onlife manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era. Cham: Springer International Publishing, 2015. P. 21–24.
- Floridi, 2009 – *Floridi L.* Against digital ontology // Synthese. 2009. № 168. P. 151–178.
- Harman, 2015 – *Harman G.* Fear of Reality: On Realism and Infra-Realism // The Monist. 2015. № 3. P. 1–19.
- Idhe, 2012 – *Idhe D.* Postphenomenological Re-embodiment // Foundations of Science. 2012. № 17 (4). P. 373–377.
- Idhe, 2009 – *Idhe D.* Postphenomenology and Technoscience: The Peking University Lectures. Albany: State University of New York Press, 2009. 102 p.
- Irwin, 2016 – *Irwin S.O.* Digital Media Human-Technology Connection. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2016. 206 p.
- Janelle, Gillespie, 2004 – *Janelle D.G., Gillespie A.* Space – Time Constructs for Linking Information and Communication Technologies with Issues in Sustainable Transportation // Transport Reviews. 2004. Vol. 24. No. 6. P. 671–672.
- Otrell-Cass, 2019 – *Otrell-Cass K.* Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human – Machine Cognition // Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 67–83.
- Pettit, 1995 – *Pettit P.* The Virtual Reality of Homo Economicus // The Monist. 1995. Vol. 78. № 3. P. 308–329.
- Preston, 2003 – *Preston B.* Of Marigold Beer: A Reply to Vermaas and Houkes // The British Journal for the Philosophy of Science. 2003. № 54 (4). P. 601–612.
- Smicek, 2017 – *Srnicek N.* Platform Capitalism. Malden: Polity Press. 2017. 91 p.
- Taplin, 2005 – *Taplin J.* The IP TV Revolution // The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. P. 257–269.

Thébaud, 2016 – Thébaud, K. Quantization as a Guide to Ontic Structure // The British Journal for the Philosophy of Science. 2016. № 67 (1). P. 89–114.

Towner, 2020 – Towner G. Thinking like a computer. An Introduction to Digital Reality. London: Austin Macauley Publishers, 2020. 185 p.

Zuboff, 2019 – Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Public Affairs, 2019. 704 p.

The concept of digital reality: meaning and significance

Vladimir I. Przhilenskiy

Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: vladprnow@mail.ru

The article analyzes the processes of transformation of a person's attitude to the world, which arose because of the active introduction of computer technology into management and production systems, as well as the use of electronic and digital devices in everyday life. The author reconstructs the evolution of the attitude towards the reality that occurred as a result of the digitalization of social practices and of the philosophical and theoretical reflections on these problems. Special attention is paid to the concepts of “virtual reality “and” digital reality”, and the design features of each of them are shown. The article substantiates the thesis that digital reality is the result of digitalization of social practices, both individual and collective. The article considers the specifics of defining the concept of virtual reality and its definition in the context of identifying the concept of digital reality. The first attempts to conceptualize the phenomenon of digital reality are analyzed, the experiences of using this concept are reconstructed, the main meanings are highlighted. A separate case is considered with a report on the need for a system design of the digital reality segment, proposed for the field of an expert information support of Russian science.

Keywords: reality, construction, digital reality, virtual reality, reality of everyday life

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the state task 075-00293-20-02 of May 25, 2020. Topic number: FSMW-2020-0030 “Transformation of Russian law in the face of big challenges: theoretical and applied foundations”.

References

Berger, P., Luckmann, T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 1995. 332 p. (In Russian)

Chan, M. *Digital Reality. The Body and Digital Technologies*. NY: Bloomsbury Publishing Inc., 2021, 208 pp.

de Landa, M. *Intensive Science and Virtual Philosophy on Deleuze*. London: Continuum, 2002, 236 pp.

Deleuze, J. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1998, 369 pp. (In Russian)

Floridi, L. ‘Commentary on the onlife manifesto’, in: *The onlife manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era*. Cham: Springer International Publishing, 2015, pp. 21–24.

Floridi, L. ‘Against digital ontology’, *Synthese*, 2009, no. 168, pp. 151–178.

Foucault, M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and punish: the birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1999, 480 pp. (In Russian)

- Harman, G. 'Fear of Reality: On Realism and Infra-Realism', *The Monist*, 2015, no. 3, pp. 1–19.
- Idhe, D. 'Postphenomenological Re-embodiment', *Foundations of Science*. 2012, no. 17 (4), pp. 373–377.
- Idhe, D. *Postphenomenology and Technoscience. The Peking University Lectures*. Albany: State University of New York Press, 2009, 102 pp.
- Irwin, S.O. *Digital Media Human-Technology Connection*. Lanham, Boulder, New York and London: Lexington Books, 2016, 206 pp.
- Janelle, D.G., Gillespie, A. 'Space – Time Constructs for Linking Information and Communication Technologies with Issues in Sustainable Transportation', *Transport Reviews*, 2004, vol. 24, no. 6, pp. 671–672.
- Khoruzhi, S.S. 'Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti' [Genus or Non-Genus? Notes on Ontology of Virtuality], *Voprosy filosofii*, 1997, no. 6. pp. 53–68. (In Russian)
- Kosyakov, D., Guskov, A. *S chego dolzhna nachinatsya tsifrovizatsiya rossiyskoy nauki? Kakoy dolzhna byt natsionalnaya infrastruktura podderzhki nauchnykh kommunikatsiy* [Where should digitalization of the Russian science start? What the national infrastructure of the scientific communication support should be?] 2021. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/s-chego-dolzhna-nachinatsya-cifrovizatsiya-rossiiskoi-nauki.htm>. (In Russian)
- Otrell-Cass, K. 'Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human – Machine Cognition', *Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019, pp. 67–83.
- Pettit, P. 'The Virtual Reality of Homo Economicus', *The Monist*, 1995, vol. 78, no. 3, pp. 308–329.
- Preston, B. 'Of Marigold Beer: A Reply to Vermaas and Houkes', *The British Journal for the Philosophy of Science*, 2003, no. 54 (4), pp. 601–612.
- Przhilenskiy, V.I. '«Real'nost'»: social'no-epistemologicheskoe issledovanie' ["Reality": socio-epistemological study'], *Voprosy filosofii*, 2013, no. 9, pp. 91–106. (In Russian)
- Przhilenskiy, V.I. 'Vnutrennij mir v perspektive konstruktivizma' [The inner world in the perspective of constructivism], *Epistemology & philosophy of science*, 2014, no. 1, pp. 29–33. (In Russian)
- Przhilenskiy, V.I. 'Ideya real'nosti i epistemologicheskij konstruktivizm' [The idea of reality and epistemological constructivism], *Voprosy filosofii*, 2010, vol. 11, pp. 105–114. (In Russian)
- Smicek, N. *Platform Capitalism*. Malden: Polity Press, 2017, 91 pp.
- Taplin, J. 'The IP TV Revolution', in: *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005, pp. 257–269.
- Thébaud, K. 'Quantization as a Guide to Ontic Structure', *The British Journal for the Philosophy of Science*, 2016, no. 67 (1), pp. 89–114.
- Towner, G. *Thinking like a computer. An Introduction to Digital Realty*. London: Austin Macauley Publishers, 2020, 185 pp.
- Vdovina, G.V. 'Laboratoriya ontologicheskikh ponyatij: Antonij Sirekt i Antonio Trombetta – skotisty XV v.' [Laboratory of Ontological Concepts: Anthony Sirekt and Antonio Trombetta – Scotists of the XV c.], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik*, 2017, no. 2017, pp. 21–50. (In Russian)
- Zuboff, S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs, 2019, 704 pp.